

Universiteit
Leiden
The Netherlands

O fonologii sovremennogo pol'skogo literaturnogo jazyka
Kortlandt, F.H.H.

Citation

Kortlandt, F. H. H. (1974). O fonologii sovremennogo pol'skogo literaturnogo jazyka. Retrieved from <https://hdl.handle.net/1887/1841>

Version: Not Applicable (or Unknown)

License: [Leiden University Non-exclusive license](#)

Downloaded from: <https://hdl.handle.net/1887/1841>

Note: To cite this publication please use the final published version (if applicable).

О ФОНОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО ПОЛЬСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ФРЕДЕРИК КОРТЛАНДТ

Поводом для настоящей работы является недавно опубликованная статья О. Паульссона о фонологической системе современного польского литературного языка, в которой автор дает критический обзор всех существующих в научной литературе спорных вопросов.¹ Эти вопросы сводятся к следующему:

1. Существует ли фонема /y/?²
2. Существуют ли фонемы /e/, /ø/ или /j̥/, /w/?
3. Существуют ли фонемы /p'/, /b'/, /f'/, /v'/, /m'/?
4. Существуют ли фонемы /k'/, /g'/, /x'/?
5. Существует ли фонема /ŋ/?
6. Существует ли фонема /ń/?
7. Существуют ли фонемы /c/, /ɟ/, /č/, /ʒ/, /ć/, /ʒ/?

1. Основы фонемной идентификации

1.1. Так как результат любого анализа определяется применяющейся к исследуемому материалу процедурой, существование этих фонем зависит непосредственно от правил, которыми руководствуются при анализе установления фонологических единиц.³ Из определения понятия фонемы как совокупности дифференциальных признаков звука вытекает два таких правила:

¹ Olof Paulsson, *Das Phonemsystem der modernen polnischen Literatursprache*, « Scando-Slavica », XV (1969), pp 215—236.

² Наша транскрипция отклоняется в некоторой степени от международного фонетического алфавита, который употребляется в упомянутой статье, так как мы предпочитаем транскрипцию более похожую на польскую орфографию. Поэтому мы пишем *y* вместо *ɨ*, используем для обозначения навалности знак *ɛ* вместо знака *~*, и т. д.

³ Ср. нашу статью *Sur l'identification des unites phonologiques du castillan*, « Linguistics » (в печати).

(1) Звуки, для которых существует *минимальная пара*, запрещается объединять в одну фонему.

(2) Звуки, находящиеся в отношении *свободного варьирования*, предписывается объединять в одну фонему.⁴

Кроме этих двух правил, которые имеют силу только при идентификации фонем в определенной позиции, нам нужны еще следующие правила для парадигматической и синтагматической идентификации фонем:⁵

(3) Звуки, находящиеся в отношении *дополнительного распределения*, предписывается объединять в одну фонему, если они характеризуются теми же дифференциальными признаками.

(4) Звуковой комплекс, характеризующийся *сложной артикуляцией*, запрещается объединять в одну фонему, если можно его рассматривать как последовательность двух или более установленных уже фонем.

Применение этих правил осложняется тем, что не всякое возможное в языке сочетание звуков фактически встречается в языковом материале. В случае такой дефективности анализ нуждается в дополнительном экспериментальном исследовании.⁶

1.2. Упомянутые правила имеют силу только внутри морфемы. Если какое-то сочетание звуков встречается только на стыке морфем и экспериментальное исследование показывает, что внутри морфемы оно не только лексически не представлено, но и по фонемной структуре языка невозможно, то это сочетание имеет дополнительную функцию разграничительного сигнала, существование которого обуславливается наличием диэремы (*junction*).⁷ Это не значит, что диэрема должна во всех случаях реализоваться тем или иным образом, а только то, что, если она выражается, этот факт не должен влиять на отождествление фонологических единиц. Несоблюдение этого правила приводит к ошибочным выводам, ср. руск. *погорели* [pəgɔr'él'ɨ], *по горе ли* [pəgɔr'ɛl'ɨ]. Слияние двух фонем в один звук на стыке морфем или слов может свидетельствовать о двухфонемном характере этого звука вообще, ср.:

хинди *abhī* [ɔb'ɨ] /abhī/'теперь же' = *ab* + *hī* 'теперь, усилит.'

поэтом. *tasje* [təʂə] /tasjə/ 'сумочка' = *tas* + *je* 'сумка, уменьш.'

поэтом. и *sjaal* [ʂaɪ] /sjaɪ/'шаль';

швед. *gjorde* [jūɖə] /jūrdə/'делал' = *gör* + *de* 'дела-, претерит',

поэтом. и *jord* [jūɖ] /jūrd/'земля'.

Но обратное неверно: если последовательность двух звуков на стыке морфем отличается от такой же последовательности не на стыке морфем, то нельзя на основании этого явления делать вывод о нетождественности наличных фонем.

⁴ Ср. В. А. Успенский, *Одна модель для понятия фонемы* «Вопросы языкознания», XIII (1964), №6 стр. 39—53. Правило фонетической близости нами не признается (см. ук. соч.). Правило «системности взаимосвязей» является выражением нежелательной склонности многих современных лингвистов к предпочтению научного изящества правильному наблюдению языковых фактов.

⁵ Ср. С.К. Шаумян, *Проблемы теоретической фонологии*, Москва, 1962, стр. 91—115.

⁶ С. L. Ebeling, *Some Premisses of Phonemic Analysis*, «Word», XXIII (1967), pp. 122—137.

⁷ Ср. М.В. Панов, *Русская фонетика*, Москва, 1967, стр. 167—191.

Четвертое правило фонемной идентификации приводит к следующей противоположности фонологической интерпретации звукового комплекса фонетической действительности. Если в языке происходит фонетическое слияние последовательности двух фонем (в данных примерах: *Ch*, *Cj*, *rC*), эта последовательность замещается на фонетическом уровне звуком, характеризующимся дополнительным признаком (здесь: *Ć*, *Ć*, *Ć*), и тем самым исключается существование такого звука как единица на фонологическом уровне, так как он отождествляется по правилу 4 с последовательностью фонем. Можно привести еще следующий пример: в современном хорватском литературном языке существует фонема /ć/, отличающаяся от последовательности /tj/: *ćerka* 'дочка', *tjerati* 'гнать'. Первый слог этих слов произносится в ряде говоров одинаково: [ćerka], [ćerati]. Так как в этих говорах последовательность фонем /tj/ реализуется как [ć], звуковой комплекс [ć] по правилу 4 следует рассматривать как реализацию /tj/: /tjerka/, /tjerati/. Следовательно, разница в произношении слова *tjerati* влечет за собой разницу в фонемной структуре слова *ćerka*.

1.3. Вышеупомянутые правила должны определить однозначное решение проблемы фонемной идентификации. Мы не согласны с Паульсоном о возможности выбора фонологической транскрипции на основании морфологических соображений.⁸ Фонологическая теория, которая допускает в некоторых случаях разные интерпретации языковых фактов, доказывает этим свою неполноту. Морфологические изменения часто указывают на возможное отождествление фонем (ср. примеры, данные в 1.2), но они не могут быть решающими при установлении фонологического характера какого-то звука, так как его фонемная идентичность определяется возможностью противопоставления другим звукам. В хорватском языке творительный падеж ед. ч. существительных третьего склонения оканчивается на *-ju*: *stvar*, *stvarju*. При этом конечный согласный основы йотируется: *smrt*, *smrću*. В тех говорах, в которых последовательность фонем /tj/ реализуется как [ć], это слияние является автоматическим, а в литературном языке грамматическим изменением, хотя произношение [smrću] может быть одинаково.⁹ Различение автоматического (фонологически определенного) от грамматического (фонологически необоснованного) входит в задачу фонологического анализа.

2. Фонемный состав польского языка

2.1. *y*.

(1) Родительный падеж ед. ч. существительных женского рода на [C'ja] оканчивается на [C'i]: *kwestia* [kfest'ja] ~ *kwestii* [kfest'i]. Этот факт указывает на возможность отождествления [C'i] |— /Cji/, но не

⁸ Указ. соч., стр. 215: «Da das phonologische System ja die Grundlage für die morphologische Beschreibung sein muß, müssen unserer Meinung nach in Fällen, wo verschiedene Interpretationen möglich sind, eben morphologische Erwägungen ausschlaggebend sein».

⁹ Йотация *l*, *n* происходит в обоих случаях автоматически (/solju/, /zelenju/). А йотация губного согласного является грамматической: /zoblju/, /kaplju/, /krvlju/. В старославянском языке, где это вставление происходило автоматически, эпентетический *l* не был фонемой.

является доказательством правильности этого решения (ср. данный в 1.3 пример: форма *smrcu* указывает на возможность идентификации [é] — /tj/, но правильность этого решения зависит от слияния *tj* в словах типа *tjerati*). Если [C'i] различается фонологически от [C'ji], чередование [C'ja] ~ [C'i] является грамматическим (ср. данный пример) и не имеет значения для фонологического анализа; но если не различается, затронутая здесь идентификационная проблема не является релевантной относительно существования фонемы /y/: если эта фонема существует, то [C'i] — /Ci/, и смягчение является автоматическим перед /i/, а если не существует, то [C'i] — /Cji/, и /Cj/ реализуется перед /i/ как [C'].

(2) Звуковые комплексы типа [C'i] встречаются еще на стыке морфем: *pod imieniem* [pod'im'jeńem], *bezimienny* [bez'im'jenny]. Как было показано в 1.2, такие сочетания не должны влиять на фонемное отождествление: если существует фонема /y/, то смягчение перед /i/ является автоматическим, а если ее не существует, то морфемной границе соответствует на фонологическом уровне диэрема.¹⁰

(3) Окончательное доказательство существования фонемы /y/ требует, как правильно отмечает Паульссон, экспериментального исследования релевантности тех фонетических признаков, которыми различаются пары слов типа *pil* [p'iw] 'пил', *pyl* [pyw] 'пыль'. Наличие в современном литературном языке слов *tryk* 'трюк' (:tryk 'нехолощенный баран'), *tik* 'тик' (:tyk 'шестов, жердей'), *maksimum* (:maksyma), *kynologia* (:kine-matyka), *hydro* (:hiper-) указывает на существование фонологической оппозиции /i/ : /y/.

2.2. е, о.

(1) Двухфонемный характер звуковых комплексов [iɔ], [yɔ], [eɔ], [aɔ], [ɔp], [ɔɕ], которые встречаются в заимствованных словах, не подвергается сомнению. Если оказывается, что [eɔ], [ɔɕ] различаются фонологически от [eɔ], [ɔɕ], то [eɔ] — /e/ и [ɔɕ] — /ɔ/.¹¹ Во всяком случае существует фонема /ɔ/ в конце слова: *to*: *tɔ*: *ton*: *tom*. Фонема /e/ в этой позиции 'тяжелая', так как признак назальности является факультативным.¹²

(2) Существование минимальных пар *Irenka* [iɔɕka], *i reka* [iɔɕka] и *sionka* [sɔɕka] 'сенцы', *siaka* [sɔɕka] 'сморкается' не влияет на фонемное отождествление, так как в словах *Irenka*, *sionka* есть морфемная граница перед суффиксом *-ka*. Но если оказывается, на основании упомянутых выше доводов, что фонемы /e/, /ɔ/ существуют, то возникает вопрос о фонологическом тождестве этих фонем и звуковых комплексов [eɔ], [ɔɕ] или [eɔ], [ɔɕ]. Ответ на этот вопрос зависит от того, как понимает

¹⁰ В этой связи Паульссон цитирует W. Jassem, *A Phonologic and Acoustic Classification of Polish Vowels*, «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», XI (1958), p. 300: «junctures must be established only on the basis of phonetic fact (...) there must be a definite phonetic feature signalling the juncture». Таким фонетическим признаком является именно мягкость зубного согласного в этой позиции.

¹¹ Ср. Яссем, ук. соч. В этом случае двухфонемная идентификация (eɔ/, /ɔw/ неправильна, потому что *ɔw не является особой фонемой, а только фонологическим признаком назальности носовых гласных. Так как j является комбинаторным вариантом фонемы /ɲ/ или группы /ɲj/ (см. ниже 2.6.) перед апикальными щелевыми, носовых полугласных нет в фонологической системе польского языка.

¹² См. Эбелинг, ук. соч., стр. 135.

поляк слова [ireka], [śoka]: те слова, которые он узнает в этих комплексах, соответствуют фонемным последовательностям /ireka/, /śoka/, а другие irenka/, /śonka/. Это последнее отождествление нельзя вывести ни из фонетических фактов, ни из морфологических чередований.

(3) Как было показано в 1.3, морфологические явления не могут быть доказательством правильности фонемной идентификации. Смягчение заднеязычных согласных в парах слов типа *kiep* [k'ep] 'дурень', родительный падеж *kra* [kra] или *drogie* [drog'e] 'дорогое', *drogę* [droge] 'дорогу' является грамматическим, фонологически необоснованным (см. ниже 2.4). Установление оппозиции /e/: /e/ на основании таких наблюдений совсем невозможно. Явления приведенного типа встречаются во многих языках, ср. русск. *сестра* [s'ustrá] ~ *сестер* [s'is't'ór] и *школы* [školóŷ] ~ *школе* [škol'í]; эти чередования нельзя приводить как доказательства существования оппозиций /o/: /ò/, /I/: /Í/, причем второй член смягчает предыдущий согласный, а первый нет.

2.3. p', b', f', v', m'.

Неразличение первого звукового комплекса в словах *wjazd* [v'jast] 'везд', *wiezie* [v'jeze] 'везет' указывает на возможность двухфонемного отождествления [v'j] |—| /vj/. Остальные факты не противоречат этой идентификации.

Если существует оппозиция /i/: /y/ (см. 2.1), смягчение губного согласного перед /i/ происходит автоматически: *pił* [p'iw] |—| /piw/, а если не существует, то |—| /pjw/. В первом случае нет архифонемы /P¹/, нейтрализованной перед /i/ оппозиции /p/: /pj/, но имеется неполное распределение фонемы /j/, ср. русск. *местный* [sn] |—| /sn/ а не */Sⁿ/, *голландский* [ns] |—| /ns/, а не */N^ts/, *солнце* [on] |—| /on/, а не */o¹N/; это неполное распределение вызывает чередования типа *ziemia* /z'emja/ ~ *ziemi* /z'emí/.

2.4. k', g', x'.

Отождествление мягких губных и заднеязычных согласных вполне аналогично. Смягчение заднеязычных взрывных перед /e/ не является автоматическим в современном литературном языке, как показывает ряд слов, в которых встречается звуковой комплекс [ke]: *kefir*, *kegel*, *kelner*, *keson*, *skecz*, *skeleton*. Удивительно, что Паульссон с одной стороны приводит единственное в своем роде слово *kynologia* и много других заимствованных слов как доводы существования оппозиции /i/: /y/, а с другой постулирует подсистему слов, в которых встречается [ke], чтобы не отказаться от 'автоматического смягчения' k.g перед /e/.

2.5. џ.

Gramatyka opisowa języka polskiego (Warszawa 1961) дает на стр. 110 следующее правило о произношении *n* перед *k*, *g*: „Spółgłoska nosowa przed spółgłoskami *g*, *k* oraz *g'* *k'* otrzymuje artykulację tylną (...) i brzmi jak *n tylnojęzykowe* (...) Jeżeli natomiast w jakichś formach pokrewnych danego wyrazu występuje *n* między samogłoskami, to w pozycjach przed *k* i *g* wymawiamy to *n* jako zwykle *n przedniojęzykowe*". Оказывается, что [n] вместо [ŋ] встречается фактически только перед

суффиксом *-k-*, где эта реализация обуславливается наличием диэремы. В некоторых словах диэрема не соответствует морфемной границе, напр. *szminka* 'грим', *rynki* 'рынка'. Впрочем, цитированное правило может едва ли в своей строгой форме соответствовать языковым фактам: оно предполагает существование в языке минимальной пары *szynki* [šyŋk'i] 'кабаки', *szynki* [šyŋk'i] 'ветчины'.

2.6. *ń*.

Если слова *mania* [mańja] и *Mania* [mańa] различаются фонологически, существует фонема /ń/, а если нет, то |— /nj/.

2.7. *c, 3, ć, ź, ċ, ź*.

Звуковые комплексы [ts], [dz], [tś], [dź], отличающиеся от [c], [3], [ć], [ź], встречаются только на стыке морфем и поэтому не препятствуют двухфонемному отождествлению слитных согласных.¹³ Если *trz* [tś], *drz* [dź] в стандартном языке не отличаются от *cz*; [ć], *dź* [3], можно сказать то же самое о твердых шипящих слитных, т.е. [ć] |— tś и [ź] |— dź/, а если нет, то существуют фонемы /ć/, /ź/.¹⁴

3. В итоге можно сказать, что главным пунктом, где мы с Паульссоном не сходимся, является роль морфологических наблюдений при фонологическом анализе. Во-первых, нам кажется, что надо строго отличать дифференциальные признаки от разграничительных сигналов. Во-вторых, правила фонемной идентификации должны, по-нашему, привести к однозначному решению: возможность двух или более интерпретаций тех же самых языковых фактов значит не что иное, как пробел в фонологической теории.

Амстердамский Университет Славян Семинариум

¹³ Морфемная граница не выражается перед суффиксами *-sk-*, *-stv-*, где происходит слияние *t, d + s > [c]*: *ludzki, bogactwo*. Такие явления, встречающиеся и в других языках, ср. хорв. *vidjeti = vid + je + ti*, но *vidati < vid + ja + ti*, не имеют значения для фонемной идентификации.

¹⁴ Ср. G. Jacobsson, *Les affriquées slaves*, « Cahiers de linguistique théorique et appliquée », Bucarest, 1966, p. 86 : « C'est le langage intentionnel du polonais qui est caractérisé par la distinction phonétique entre des mots comme *czy* et *trzy* ». Разрешить этот вопрос можно только посредством экспериментального исследования, которое обнаруживает, как воспринимает слушатель эти звуки (см. Эбелинг, ун. соч.), а не то, может ли он различить их в произношении (ср. M. Zagórska Brooks, *On Polish Affricates*, « Word », XX (1964), p. 208 : « These minimal pairs were put into the frame sentence *Powiedz słowo... i słowo... wyraźnie* »).